

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-1-173-178

УДК 340

Научная статья / Scientific article

Дата: поступления статьи / Submitted: 15.12.2019
после рецензирования / Revised: 26.02.2020
принятия статьи / Accepted: 27.02.2020**Р. В. Силантьев**Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: silantsev@bk.ru

ГУБНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В СИСТЕМЕ МЕР АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация: В статье ставится проблема места губной реформы в системе мер антикоррупционной политики Московского государства XVI в. На основе анализа Судебника 1550 года, уставных и губных грамот показано, что губные органы играли значимую роль в двух связанных направлениях государственной политики – в борьбе с разбоями и в противодействии коррупции. В исследовательской литературе сформулирована точка зрения, что одной из важнейших проблем Московского государства в XVI в. являлась проблема распространения организованной преступности и неэффективности существующих методов борьбы с ней. В статье раскрывается место губных органов самоуправления в системе мер антикоррупционной политики. Важнейшее значение при этом имеет материал губных грамот, которые содержат многочисленные прямые и косвенные отсылки к конкретно-историческим формам коррупции. Введение губных органов самоуправления приводило к установлению общих правил осуществления административных и судебных функций, контроль над которыми передавался в руки представителей местных общин. Наличие таких правил создавало общие условия для борьбы с коррупцией, а также для противодействия конкретным формам коррупции. Губные грамоты составляли правовую базу для противодействия таким разновидностям коррупционных правонарушений, как превышение установленных норм поборов с населения, волокита, осуществление суда без уставной грамоты, ложные обвинения с целью завладения имуществом.

Ключевые слова: московское право, губные органы, губные грамоты, формы коррупции, антикоррупционная политика.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта № 18-411-630004 «Конкретно-исторические формы коррупции в Московском государстве (XV–XVI вв.)» при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Самарской области.

Цитирование. Силантьев Р. В. Губное самоуправление в системе мер коррупционной политики Московского государства // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 173–178. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-173-178>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

R. V. SilantsevSamara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: silantsev@bk.ru

REGIONAL SELF-GOVERNMENT IN THE SYSTEM OF MEASURES OF ANTI-CORRUPTION POLICY OF THE MOSCOW STATE

Abstract: In the article the problem of the place of regional reform in the system of measures of anti-corruption policy of the Moscow state of the 16th century is put. On the basis of the analysis of the Code of Laws of 1550, authorized and regional diplomas it is shown that regional bodies played a significant role in two connected directions of state policy – in fight against robberies and in anti-corruption. In research literature the point of view is formulated that one of the most important problems of the Moscow state in the 16th century was the problem of distribution of organized crime and inefficiency of the existing methods of fight against it. In article the place of regional self-government institutions in the system of measures of anti-corruption policy reveals. At the same time material of regional diplomas which contain numerous straight lines and indirect references to concrete historical forms of corruption is essential. Introduction of regional self-government institutions led to establishment of the general rules of implementation of administrative and judicial functions, control over which was ceded in hands of representatives of local communities. Existence of such rules created the general conditions for fight against corruption and also for counteraction to specific forms of corruption. Regional diplomas red tape, implementation of court without authorized diploma, false charges for the purpose of taking by property were legal base for counteraction to such kinds of corruption offenses as excess of the established norms of requisitions from the population.

Key words: Moscow law, local bodies, local diplomas, corruption forms, anti-corruption policy.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Samara Region within the framework of the research project № 18-411-630004 «Specific historical forms of corruption in the Moscow state (XV–XVI centuries)»

Citation. Silantsev R. V. *Gubnoe samoupravlenie v sisteme mer korruptsionnoi politiki Moskovskogo gosudarstva* [Regional self-government in the system of measures of anti-corruption policy of the Moscow state]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 1, pp. 173–178. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-173-178> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Роман Владимирович Силантьев – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права и международного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Автор двух научных статей: «Влияние первой мировой войны и революционных событий 1917 года в России на практику Верховного Суда США в области защиты свободы слова» (2018), «Система земского самоуправления как мера противодействия коррупции» (2019).

Область научных интересов: всеобщая история права и государства, компаративистика, судебная защита фундаментальных прав и свобод личности.

Тематика, связанная с историей становления и эволюции права Московского государства XVI–XVII вв., является актуальной и для историко-юридической науки, и для современной общественно-политической ситуации. С одной стороны, Московское государство предоставляет уникальный опыт решения сложных проблем, связанных с организацией эффективного управления, преодолением конфликтности в отношениях между населением и администрацией на местах, созданием соответствующей правовой базы для проводимых в сфере управления реформ. С другой стороны, современное Российское государство столкнулось с проблемой противодействия коррупции как одной из серьезнейших угроз национальной безопасности. Найти наиболее эффективные способы борьбы с коррупцией позволит более полное представление о возможных конкретно-исторических формах коррупции и мерах по противодействию им, и в этом отношении опыт Московского государства представляется чрезвычайно ценным.

В исследовательской литературе подчеркивается, что одной из важнейших проблем, с которыми столкнулось Московское государство в XVI в., являлась проблема распространения организованной преступности и неэффективности существующих методов борьбы с нею [1, с. 77]. Именно противодействие организованной преступности являлось важнейшей функцией системы губных органов, которые получают распространение в Московском государстве в XVI в. Правовую базу для их функционирования составили губные грамоты, которым посвящен целый ряд исследований, носящих преимущественно историко-правовый и историко-юридический характер [2; 3; 4, с. 210–219; 5, с. 212–217; 6, с. 9–12]. Терминологически организованная преступность в соответствующих актах и документах передается чаще всего через понятие «разбой». При этом, несмотря на то что в губных грамотах общим местом является определение функций губных органов в борьбе с разбоями, значительную роль эти органы сыграли и в организации системы мер антикоррупционной политики. Как оба указанных направления государственной политики, так и обе функции губных органов оказались взаимосвязанными элементами единого системного организма. В рамках данной статьи ставится задача показать антикоррупционную направленность губных органов через рас-

© Roman V. Silant'ev – senior lecturer, Department of Theory and History of State and Law and International Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Author of 2 research papers: «The impact of World War I and the revolutionary events of 1917 in Russia on the practice of the US Supreme Court in protecting freedom of speech» (2018), «System of territorial self-government as anti-corruption measure» (2019).

Research interests: General history of law and state, comparative law, judicial protection of fundamental rights and freedoms.

смотрение и систематизацию их общего функционального предназначения.

При решении поставленной задачи одним из центральных понятий является так называемое «губное право», под которым традиционно понимается право губных органов предупреждать преступления, судить и наказывать преступников за совершенные преступления [3, с. 14]. Конкретными актами, в которых это право отражено, являются губные грамоты.

Анализ текста сохранившихся губных грамот показывает неэффективность существующей системы государственного управления как на одну из важнейших причин выдачи губных грамот и введения губного самоуправления, при этом особо указывается на неспособность представителей администрации справиться с произволом организованной преступности («многие села и деревни розбойники розбивают, и животы ваши грабят, и села и деревни жгут, и на дорогах многих людей грабят и розбивают, и убивают многих людей до смерти») [7, с. 164]. Более того, губные грамоты изобилуют жалобами на то, что должностные лица, присылаемые правительством, дополнительно обременяют население поборами. Сообщения эти весьма кратки, и информация, извлекаемая из них, носит скудный и ограниченный характер, однако некоторые обобщения напрямую касаются темы статьи. В жалобах можно увидеть прямые или косвенные отсылки к отдельным разновидностям конкретно-исторических форм коррупции. В частности, упоминается «волокита», которую составители грамот указывают в качестве основной причины неэффективной борьбы с разбоями: «...а вы деи... лихих людей розбойников не имаете, для того что вам волокита велика...» [8, с. 32].

Волокиту применительно к реалиям московского права XVI в. определяют редко, в широком и общем смысле под ней имеется в виду умышленное затягивание сроков рассмотрения дела представителями административно-судебного аппарата [9, с. 13]. В губных грамотах волокита упоминается очень часто среди других пороков государственного управления, исправить которые призваны губные органы [7, с. 164; 8, с. 33; 10, с. 170–174]. Именно выборность состава губных органов должна была препятствовать и волоките, и взиманию «посулов» (в данном контексте – особых подарков с истцов), и другим формам коррупционных правонарушений.

И посул, и волокита отражены в центральном для XVI века памятнике права – Судебнике 1550 года. При этом в статьях 4 и 5 Судебника посул увязывается с подделкой протокола судебного заседания: «А которой дьяк список нарядит или дело запишет не по суду... а обыщется то в правду, что он от того посул взял, на том дьяке взяти перед боярином вполы да кинути его в тюрьму» [11, с. 97], и далее в ст. 5: «Подьячей, которой запишет не по суду для посула... казнити торговою казнию, бити кнутьем» [11, с. 97]. Ю. В. Оспенников достаточно подробно обосновал, что в этих статьях речь идет о фальсификации протокола дьяком или подьячим без ведома самого должностного лица, осуществлявшего судебные полномочия [12, с. 93]. Напротив, в 3-й статье Судебника речь идет о посуле, получателем которого является непосредственно судья – боярин, или дворецкий, или казначей: «А которой боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк в суде посул возмет и обвинит не по суду...» [11, с. 97], причем цель взимания посула прямо указана в самой статье – неправосудное решение в пользу взяткодателя.

Что касается волокиты, то этот состав преступного деяния, видимо, можно усмотреть в ст. 7 Судебника, где подробно расписывают действия должностного лица (боярина, дворецкого, казначея, дьяка), сводящиеся к отказу от рассмотрения дела «жалобника» или затягиванию его рассмотрения [11, с. 98].

В рамках проведения губной реформы и, соответственно, в случае выдачи губной грамоты на местах формировался целый штат местных выборных, во главе которых стояли губные старосты, а в помощь им избирались целовальники, дьяки и другие должностные лица. Содействие губным органам должны были оказывать выборные должностные лица земского самоуправления – десятские, пятидесятские и сотские. То есть, с одной стороны, налицо весьма демократический характер губных органов и, соответственно, широкие возможности по противодействию коррупции. С другой стороны, нельзя игнорировать тот факт, что формирование штата губных служащих осуществлялось из числа так называемых «лучших людей», то есть из числа зажиточной верхушки местных общин, что неизбежно приводило к внутриобщинным конфликтам. Тем не менее в сравнении с бытовавшей до тех пор системой государственного управления новые губные органы следует рассматривать как значимый шаг вперед по пути ограничения властного произвола и противодействия коррупции. Но в этом отношении для губных органов были установлены и достаточно жесткие рамки, запрещавшие вмешиваться в юрисдикцию судов наместника, волостелей и их тиунов [13, с. 216].

Рассматривая формирование системы губных органов и штата их должностных лиц, нельзя не отметить очевидное несоответствие с современным подходом к разграничению органов государственной власти и органов местного самоуправ-

ления. Несмотря на то что губные органы чаще всего – и вполне основательно – рассматриваются в исследовательской литературе как органы местного самоуправления (и в этом смысле отличаются от системы органов государственной власти), с самого начала они выстраивались в строгой иерархической подчиненности по отношению к формирующемуся Разбойному приказу, органу центрального государственного управления. Об этом прямо говорится, например, в Губной Каргопольской грамоте 1539 г.: «А которых разбойников ведомых поимаете и обыскав их казнити... да о том бы естя отписывали на Москву к нашим бояром, которым розбойные дела приказаны» [8, с. 33]. Более того, в определенных случаях предусматривалось обращение к великокняжеской власти, как к высшей властной иерархической структуре, чем еще раз подчеркивается включение губных органов в иерархическую систему органов государственной власти: «А которому будет делу их старосте и целовальником управы учинить не мощно, и они о том доложат меня царя и великого князя» [3, с. 109].

Эти оговорки, предполагающие отличия правосознания современного и присущего жителям Московского государства XVI в., необходимо иметь в виду, рассуждая о губных органах как об органах местного самоуправления.

Еще чаще в губных грамотах жалуются на действия должностных лиц, которые заключаются во взимании «лишка». Именно этот состав, надо полагать, в скрытом виде содержится под жалобой о «великих убытках» населения, которые являются следствием действий администрации («от наших деи обыщиков и от недильщиков чинятся великие убытки...») [8, с. 32]. В некоторых грамотах завышенные сборы чиновниками с населения упоминаются напрямую: «...что наместники наши и волостели и их пошлинные люди, сверх нашего жалованья указу, чинят им продажи и убытки великие» [14, с. 262]. Надо специально обратить внимание, что здесь взимание сборов сверх положенных норм и «великие убытки» напрямую связываются друг с другом, что усиливает выдвинутое выше предположение о том, что жалобы о «великих убытках» являются скрытой жалобой на коррупционные правонарушения администрации. О повсеместной распространенности этой формы коррупции свидетельствует ее фиксация в качестве состава преступного деяния в Судебнике 1550 г. В 8-й статье упомянутого памятника права устанавливались фиксированные размеры сборов и пошлин, после чего устанавливалось понятие «лишек», за взятие которого должностное лицо наказывалось штрафом в виде тройной суммы взятого сверх положенного: «А возмет боарин, или дворецкой, или казначей, или дьяк, или подьячей, или недельщик на ком что лишек, и на том взяти втрое» [11, с. 98]. Здесь же следует заметить, что упомянутую норму вряд ли можно рассматривать в качестве решительного шага в борьбе с коррупцией – в той же статье предусматривалось наказа-

ние за ложное сообщение о взятии «лишка», и это наказание по своей суровости значительно превосходило штраф, взимаемый с чиновника: «А хто учнет бити челом на боярина, или на дьяка, или на подьячего, или на неделщика, что взяли на нем сверх пошлин лишек, и обыщется то, что тот солгал, и того жалобника казнити торговою казнью да вкинути в тюрьму» [11, с. 98]. Некоторые авторы, например Н. П. Загоскин, уверенно выделяли такую особенность Судебника, как «особую строгость» по отношению к судебно-административным чиновникам, уличенным в злоупотреблениях [15, с. 66]. Однако это утверждение должно быть признано по меньшей мере спорным, сравнение двух санкций, установленных ст. 8 Судебника, убедительно показывает, что текст Судебника создавался все же представителями административного аппарата, отражая интересы прежде всего формирующегося слоя профессиональных чиновников. В еще более широком масштабе рассмотренные нормы, отраженные в статьях Судебника, создавались в интересах господствующего класса, для которого сложившаяся система поборов при осуществлении правосудия являлась вполне приемлемой, поскольку позволяла эффективнее защищать интересы имущих слоев населения и игнорировать защиту интересов неимущих. На эту направленность губной реформы указывал крупнейший отечественный исследователь губной реформы Н. Е. Носов: «...первая общегосударственная реформа местного управления, осуществленная московским правительством в интересах широких слоев уездного дворянства и направленная на укрепление аппарата управления Русского централизованного государства» [16, с. 201]. В этом смысле устаревшим является взгляд, характерный для дореволюционной историографии и выраженный одним из лучших ее представителей – С. Шумаковым, который настаивал на всесловном характере губных учреждений, отмечая, впрочем, что это противоречит всей остальной направленности московской государственной политики [3, с. 41]. При этом общее усложнение общественной жизни приводило ко все большему усилению тенденции формализации права, следствием чего являлось все более четкое разграничение узаконенных поборов и тех сборов должностными лицами, которые остались незаконными и в силу этого превращались в правонарушения. В этом смысле понятны и выводы некоторых советских исследователей, которые полагали, что во время введения губных учреждений наместники-кормленщики были более заинтересованы в получении судебных доходов, чем в прекращении преступлений [16, с. 204–205].

Как указывает Ю. В. Оспенников, одной из основных форм коррупционных правонарушений в московском праве XVI в. являлось осуществление суда без уставной грамоты, которая определяла бы порядок осуществления суда и размер судебных пошлин [9, с. 12]. С этим подходом можно согласиться, поскольку он, с одной стороны, отсылает

нас к самым основам антикоррупционной политики, а с другой стороны, указывает на актуальность отмеченного выше процесса разграничения узаконенных и «незаконных» поборов. Выдача губных грамот, наравне с выдачей уставных грамот, создавала определенные правовые основания для противодействия коррупции, но самое главное – она давала возможность отличить дозволенные поборы при осуществлении судебно-административных полномочий от недозволенных. В целом же в конкретно-исторических условиях Московского государства XVI века система губных учреждений на базовом уровне уже являлась значимым элементом антикоррупционной государственной политики, как создавая общие условия для борьбы с коррупцией, так и противодействуя конкретной форме коррупционных правонарушений.

Важной функцией в противодействии разбоям, которую получили новые губные органы, являлась возможность конфисковывать имущество преступников, распределяя его в пользу пострадавших и в пользу местной общины. Формально эта функция губных органов подвергалась строгому контролю (конфискованное и распределенное имущество должно было переписываться, а список потом отправлялся в Разбойный приказ). Однако можно предположить, что именно в рамках реализации этой функции создавались условия для осуществления еще одной формы коррупционных правонарушений – ложных обвинений с целью завладения имуществом. К числу коррупционных правонарушений это деяние может быть отнесено по тому основанию, что предполагает использование властных полномочий для собственного обогащения, для достижения личных интересов, а не общественных. О том, насколько широко эта форма коррупционных правонарушений была распространена, свидетельствуют не только многочисленные грамоты, но и свидетельства иностранцев. В частности, при всем критическом отношении к сочинению Генриха Штадена можно полагать, что он отразил вполне реальную схему преступных действий: «Если где-либо в стране... словят убийцу, а тот откупится, так его подстрекали, чтобы он оговаривал торговых людей и богатых крестьян, будто и они ему помогали» [17, с. 383].

Тем не менее в целом можно сделать вывод, что система губного самоуправления, введившаяся в Московском государстве XVI в. как средство более эффективной борьбы с организованной преступностью (разбоями), в то же время явилась элементом государственной антикоррупционной политики. Введение губных органов самоуправления приводило к установлению общих правил осуществления административных и судебных функций, контроль над которыми передавался в руки представителей местных общин. Наличие таких правил создавало общие условия для борьбы с коррупцией, а также для противодействия конкретным формам коррупции. Говоря о конкретно-исторических формах коррупции, можно отметить, что губные грамоты составляли правовую базу для

противодействия таким разновидностям коррупционных правонарушений как превышение установленных норм поборов с населения, волокита, осуществление суда без уставной грамоты, ложные обвинения с целью завладения имуществом.

Библиографический список

1. Памятники права Московского государства. Т. III. Памятники права Московского государства. Кн. 1 / под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. Р. Л. Хачатурова. Москва: Юрлитинформ, 2013. 344 с.

2. Загоскин Н. П. Уставные грамоты XIV–XVI вв., определяющие порядок местного правительственного управления. Вып. 1. Казань, 1875. 226 с.

3. Шумаков С. Губные и земские грамоты Московского государства. Москва, 1895. 256 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book4503/53891>.

4. Зимин А. А. Губные грамоты XVI века из Музейного собрания // Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Вып. 18. Москва, 1956. С. 210–219. URL: http://drevlit.ru/docs/russia/XVI/1540-1560/Gubn_gram_muz_sobr/text.php.

5. Носов Н. Е. Губной наказ Новгородской земле 1559 года // Исторический архив. 1959. № 4. С. 212–217. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1540-1560/Gubnoj_nakaz_novgorod1559/text.htm.

6. Оспенников Ю. В. Губные грамоты XVI в. как источник пенитенциарного права // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. № 6. С. 9–12. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwiselawyer.ru%2Fpoleznoe%2F57048-gubnye-gramoty-istochnik-penitentsiarnogo-prava>.

7. Губная Белозерская грамота 1539 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук. Т. I. Санкт-Петербург, 1836. № 187. С. 163–165. URL: <https://www.portal-slovo.ru/history/47541.php>.

8. Губная Каргопольская грамота 1539 г. // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. Санкт-Петербург, 1846. №31. С. 32–33.

9. Оспенников Ю. В. О разнообразии форм коррупционных правонарушений в Московском государстве XVI в. // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 2 (28). С. 12–15. DOI: 10.24420/KUI.2017.28.6252.

10. Губная грамота селам и деревням Троицкого Сергиева монастыря 1541 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской академии наук. Т. I. Санкт-Петербург, 1836. № 194. С. 170–174.

11. Судебник 1550 г. // Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. Москва: Юрид. лит., 1985. С. 97–129. URL: http://russiahistory.ru/download/library/istochniki/1073676_96334_sudebnik_1550_goda.pdf.

12. Оспенников Ю. В. Московская судебная система по «Запискам» Генриха Штадена // Право и государство: теория и практика. 2010. № 11 (71). С. 92–96. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16399644>.

13. Губной наказ селам Кириллова монастыря 1549 г. // ААЭ. Т. I. Санкт-Петербург, 1836. № 224. С. 213–216.

14. Уставная грамота переяславским рыболовам 1555 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской академии наук. Т. I. Санкт-Петербург, 1836. № 242. С. 261–264. URL: <http://histfishing.ru/biblio/istochniki-i-dokumenty/1555-g-ustavnaya-gramota-pereslavskim-rybolovam.html?gallItem=69&galAlbum=2&galTag=>.

15. Загоскин Н. П. История права Московского государства. Т. I. Казань, 1877. 519 с.

16. Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 1957. 408 с. URL: <http://moscowstate.ru/nosov-n-e-ocherki-po-istorii-mestnogo-upravleniya-russkogo-gosudarstva-v-pervoj-polovine-xvi-veka>.

17. Генрих Штаден. Страна и правление московитов (записки немца-опричника) // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 380–430. URL: <http://wordweb.ru/2008/03/20/strana-i-pravlenie-moskovitov.-zapiski.html>.

References

1. *Pamyatniki prava Moskovskogo gosudarstva. T. III. Pamyatniki prava Moskovskogo gosudarstva. Kn. 1. Pod obshch. red. dokt. yurid. nauk, prof. R.L. Khachaturova* [Monuments of the law of the Moscow state. Vol. III. Monuments of law of the Moscow State. Book 1. R. L. Khachaturov (Ed.)]. Moscow: Yurlitinform, 2013, 344 p. [in Russian].

2. Zagoskin N.P. *Ustavnye gramoty XIV–XVI vv., opredelyayushchie poryadok mestnogo pravitel'stvennogo upravleniya. Vyp. 1* [Charters of the XIV–XVI centuries defining an order of local government management. Issue 1]. Kazan, 1875, 226 p. [in Russian].

3. Shumakov S. *Gubnye i zemskie gramoty Moskovskogo gosudarstva* [Local and zemstvo diplomas of the Moscow state]. Moscow, 1895, 256 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book4503/53891> [in Russian].

4. Zimin A.A. *Gubnye gramoty XVI veka iz Muzeinogo sobraniya* [XVI century Labels from the Museum Collection]. In: *Zapiski Otdela rukopisei Gos. biblioteki SSSR im. V. I. Lenina* [Notes of the Department of Manuscripts of the State Library of the USSR named after V. I. Lenin], Issue 18. Moscow, 1956, pp. 210–219. Available at: http://drevlit.ru/docs/russia/XVI/1540-1560/Gubn_gram_muz_sobr/text.php [in Russian].

5. Nosov N. E. *Gubnoi nakaz Novgorodskoi zemle 1559 goda* [Gubnoi order to the Novgorod land dated 1559]. *Istoricheskii arkhiv* [Historical Archive], 1959, no. 4, pp. 212–217. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1540-1560/Gubnoj_nakaz_novgorod1559/text.htm [in Russian].

6. Ospennikov Yu. V. *Gubnye gramoty XVI v. kak istochnik penitentsiarnogo prava* [Gubnye gramoty (charters) of the XVI century as the source of penitentiary law]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie* [Criminal-Executory System: law, economy, management], 2012, no. 6, pp. 9–12. Available at: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwiselawyer.ru%2Fpoleznoe%2F57048-gubnye-gramoty-istochnik-penitentsiarnogo-prava> [in Russian].

7. *Gubnaya Belozerskaya gramota 1539 g.* [Gubnaya gramota to Belozersk dated 1539]. In: *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi imperii*

Arkheograficheskoi ekspeditsiei Imperatorskoi akademii nauk. T. I [Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences. Vol. I]. Saint Petersburg, 1836, no. 187, pp. 163–165. Available at: <https://www.portal-slovo.ru/history/47541.php> [in Russian].

8. *Gubnaya Kargopol'skaya gramota 1539 g.* [Gubnaya gramota to Kargopol dated 1539]. In: *Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei. T. 1* [Additions to historical acts collected and published by the Archaeographic Commission. Vol. 1]. Saint Petersburg, 1846, no. 31, pp. 32–33 [in Russian].

9. Ospennikov Yu. V. *O raznoobrazii form korruptsionnykh pravonarushenii v Moskovskom gosudarstve XVI v.* [On a variety of forms of corruption offenses in Moscow state of the 16th century]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia], 2017, no. 2 (28), pp. 12–15. DOI: 10.24420/KUI.2017.28.6252 [in Russian].

10. *Gubnaya gramota selam i derevnyam Troitskogo Sergieva monastyrya 1541 g.* [Gubnaya gramota to villages of the Trinity Lavra of St. Sergius dated 1541]. In: *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi imperii Arkheograficheskoi ekspeditsiei imperatorskoi akademii nauk. T. I* [Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences. Vol. I]. Saint Petersburg, 1836, no. 194, pp. 170–174 [in Russian].

11. *Sudebnik 1550 g.* [Code of Laws of 1550]. In: *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. T. 2* [Russian legislation of the X–XX centuries. Vol. 2]. Moscow: Yurid. lit., 1985, pp. 97–129. Available at: http://russiahistory.ru/download/library/istochniki/1073676_96334_sudebnik_1550_goda.pdf [in Russian].

12. Ospennikov Yu.V. *Moskovskaya sudebnaya sistema po «Zapiskam» Genrikha Shtadena* [The Moscow judicial system according to Henry Shtaden's «Notes»].

Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika [Law and State: The Theory and Practice], 2010, no. 11 (71), pp. 92–96. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16399644> [in Russian].

13. *Gubnoi nakaz selam Kirillova monastyrya 1549 g.* [Gubnoi nakaz to the villages of the Kirillov Monastery in 1549]. In: *AAE* [Artesian archaeological expedition], Vol. I. Saint Petersburg, 1836, no. 224, pp. 213–216. [in Russian].

14. *Ustavnaya gramota pereyaslavskim rybolovam 1555 g.* [Charter given to Pereyaslav fishermen in 1555]. In: *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi imperii Arkheograficheskoi ekspeditsiei imperatorskoi akademii nauk. T. I* [Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences. Vol. I]. Saint Petersburg, 1836, no. 242, pp. 261–264. Available at: <http://histfishing.ru/biblio/istochniki-i-dokumenty/1555-g-ustavnaya-gramota-pereslavskim-rybolovam.html?galItem=69&galAlbum=2&galTag=> [in Russian].

15. Zagoskin N. P. *Istoriya prava Moskovskogo gosudarstva. T. I* [History of the law of the Moscow state. Vol. I]. Kazan, 1877, 519 p. [in Russian].

16. Nosov N. E. *Ocherki po istorii mestnogo upravleniya Russkogo gosudarstva pervoi poloviny XVI veka* [Essays on the history of local government of the Russian state of the first half of the XVI century]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1957, 408 p. Available at: <http://moscowstate.ru/nosov-n-e-ocherki-po-istorii-mestnogo-upravleniya-russkogo-gosudarstva-v-pervoj-polovine-xvi-veka> [in Russian].

17. Heinrich von Staden. *Strana i pravlenie moskovitov (zapiski nemtsa-oprichnika)* [The Land and Government of Muscovy]. In: *Rossiya XVI veka. Vospominaniya inostrantsev* [Russia of the XVI century. The memories of foreigners]. Smolensk: Rusich, 2003, pp. 380–430. Available at: <http://wordweb.ru/2008/03/20/strana-i-pravlenie-moskovitov.-zapiski.html> [in Russian].